

3. Michael Hagemester, “Wiederzauberung der Welt: Pavel Florenskijs Neues Mittelalter“ (2000)
4. Румын, 150.
5. Завещание, Все думы – о вас, 25.
6. История и философия искусства, 9, 14 (2017).
7. Письмо девятое, 303 (2017).
8. Флоренский П.В. Предисловие, Все думы – о вас, 7 (2004).
9. Хронология, Путь к Богу, 477, 374, 460.
10. Шмеман А. Введение в литургическое богословие (1961).

Харченко Вера Константиновна
МОЛИТВЫ И ПРОПОВЕДИ КАК ОБРАЗЦЫ И ХРАНИЛИЩА
ЭЛИТАРНОЙ РЕЧИ
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Белгород, Россия

Аннотация: Ставится проблема сбережения высшего, элитарного строя речи, важнейшими хранилищами которой являются действующие в церковнославянском языке проповеди и молитвы. Раскрываются черты элитарного слоя, прослеживается степень их отражения в художественной литературе.

Ключевые слова: молитвы, проповеди, элитарная речь, новизна мысли, изящество изложения.

Kharchenko Vera Konstantinovna
PRAYERS AND SERMONS AS SAMPLES AND REPOSITORIES
OF ELITE SPEECH
Belgorod State University, Belgorod, Russia

Summary: The problem of preserving the higher, elitist structure of speech is posed, the most important repositories of which are sermons and prayers operating in the Church Slavonic language. The features of the elite layer are revealed, the degree of their reflection in fiction is traced.

Keywords: prayers, sermons, elite speech, relevance of thought, elegance of presentation.

В современном русском языке наблюдается дефицит высокого стиля, поэтому сейчас наше внимание должно быть обращено на те стороны речи, в которых присутствует элитарность как показатель высшей речи. Элитарность неотъемлемо присутствует в молитвах и проповедях. Когда мы разговариваем с Богом, то сам выбор слов налагает на нас большую ответственность. В молитве не простые слова. Скажем сильнее: существует особый язык такого общения – церковнославянский, и это весьма знаменательно. Церковь учит нас, как обращаться к Богу, как просить, как называть своих врагов, то есть

учит многому. Существует особый язык для этого – церковнославянский, многие тайны которого еще предстоит раскрывать.

Как характеризует церковнославянский язык митрополит Макарий (Булгаков) – вчитаемся, вслушаемся. *«Следствия перевода Библии и церковных книг на славянский язык были величайшие и благотворнейшие как для славян вообще, так, в особенности, для русских. Этот перевод имел самое сильное влияние на пробуждение духа народного в славянах и уяснение их народного самосознания. Здесь в первый раз услышали они звуки родного слова в речи стройной, облагороженной, возвышенной и в первый раз начали понимать, как богат, величествен и прекрасен язык их предков, в первый раз заглянули, так сказать, лицом к лицу в собственную душу и увидели все величие и крепость ее природных сил, для выражения которых служит такое могущественное слово [1, с. 191]. Этот элитарный стиль претворяется в речи самого митрополита, в его проповедях, в частности.*

(2 сентября 1858 г.) Помните твёрдо, что на вас взирает теперь вся современность с ожиданием от вас добрых плодов, взирает не только обширный край наш, но и всё отечество, и сам отец отечества, равно любящий всех своих подданных, великих и малых, знатных и незнатных и равно заботящийся об их счастье. Помните, что вы будете трудиться также пред лицом потомства и истории. Ибо дело, к которому вы призваны, такой необычайной важности, что от него должна зависеть участь целых миллионов наших сограждан, и не на миг, но, может быть, на целые столетия, – такой важности, что оно составит, может быть, самую яркую эпоху в истории нашего исполинского отечества. А главное, трудясь здесь над решением вопроса, как бы подать правду и уравнение вашим рабам, не забывайте ни на минуту, что и вы имати Господа на небесах, Который видит всё, и настоящее, и будущее, у Которого несть на лица зренья (Рим. II, 167 11)... Ещё слово, – достопочтенные мужи! Дай вам Бог решить великий вопрос так, чтобы можно было сказать: его решали не только люди, истинно – образованные и благородные, но истинные христиане, к чести своего века и своей страны [2, с. 70-71]

Есть интересное наблюдение: «В наших обстоятельствах спасаются преувеличениями...» [3]. Похоже, митрополит, как талантливый не только администратор, но и психолог, понимал это и реализовывал в своем обращении к пастве. *(17 января 1866 г.) ...Не одно, а два величайших блага даровал нам Господь в Своей благодати, равно необходимые для нас: разум и откровение как науку и христианство. Каждое из них имеет свою особую цену, особое назначение и ни одно не может заменять другого. Будем же дорожить обоими этими благами вместе и пользоваться ими согласно с волею Дарователя. Тот не живёт полною человеческою жизнью, кто довольствуется одною наукою и отвергается христианства. Лишь для того доступна эта жизнь во всей своей широте, лишь тот способен всецело выполнить своё человеческое призвание и как сын земли, и как будущий гражданин неба, кто нераздельно пользуется и естественными пособиями науки и сверхъестественными пособиями христианства [2, с. 331-332].*

Проповеди лишь при первом приближении проходят по ведомству прописных истин. Успех проповедей митрополита Макария был обусловлен актуально-свежим их содержанием, эвристикой высказываемой мысли на базе истолкования того или иного небольшого фрагмента, той или иной цитаты из Священного Писания. Так, науку и религию традиционно пытались (и до сих пор пытаются!) противопоставлять, тогда как весь пафос проповеди митрополита Макария обусловлен убеждённой митрополита в глубочайшем единстве науки и христианства.

В своё время мы выписывали из художественной и мемуарной литературы «церковнославянскую цитацию»: *Кому повем печаль мою? Хлеб наш насущный даждь нам днесь... Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови в утробе моей. Благослови, Бог, милуй и питай нас от юности нашей... да преизобилуем во всякое дело благое.* В советские времена писатели подчас включали в свои произведения цитаты из библейских текстов, и повествование сразу выигрывало. В романе (жанр обозначен как роман в письмах) В. Каверина «Перед зеркалом» читаем: «Она наудачу раскрыла книгу Морозова: *«И не будет в тебе ни звуков играющей арфы, ни поющего голоса, ни трубного гласа, ни музыки тех, что играют на свирелях и других инструментах, – прочитала она. – И не будет в тебе ни художника, ни художества, и шума жерновов уже не будет слышно в тебе».* Какие предсказания! *«Так будет же», – подумала она упрямо».*

Когда в художественном тексте появляются слова из церковнославянского языка, меняется весь строй речи, становится высоким, хотя эти слова бывают грустными, даже тяжелыми, как, например, в повести В. Белова «Привычное дело».

«Речитативом, вполголоса Евстоля выводила незнакомые слова: *«Возоплю в скорби моей к господу богу моему, и услышит меня. Из чрева адова вопль мой, услышит голос мой. Ввергнет меня в глубины сердца морского, и все реки обнимут меня. Все высоты твои и волны твои на меня падут...».* Ивану Африкановичу стало еще горше от никогда не слышанных этих слов. Тикали на стене часы, посапывали ребятишки, а Евстоля спокойно продолжала молиться: *«Возольется вода до души моей, бездна обымет меня последняя... Остынет глава моя в расселинах гор, сойду в землю, под вечные веревы и заклепы, и да уйдет от тления жизнь моя к тебе, господи, боже мой...».* Старуха затихла» [4].

Писатель Валентин Распутин в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» посвятил церковнославянскому языку проникновенные слова устами мальчика Ивана, открывшего словарь.

Полистав, вслух повторяя осторожно и трогательно, словно пробуя на вкус и боясь испугнуть: лепота, вельми, веревя, чресла, навет, златозарный, светосиянный... и откинулся в изнеможении: что это? Если бы отыскался человек, воспитывавшийся в глухом заточении и никогда не слышавший слов: мама, люблю, дорогой, спасибо, никогда от рождения своего не ведавший ласки и не засыпавший под колыбельную, он бы их тотчас понял и узнал при встрече, потому что он и не жил без них, всё ждал и ждал, когда прикоснётся

к нему волшебная палочка их звучания и оживит его. Иван точно клавиши перебирал, и дивная музыка узнавания звучала в нём мягкими и торжественными аккордами. Все эти слова, все эти понятия в Иване были, их надо было только разбудить... «Душу мою озари сияньми не вечерними», – пропел Иван, заглядывая в словарь и опять замирая в восторге и изнеможении [5, с. 154-155].

Церковнославянский язык достаточно сложен. «Развитие языка идёт отнюдь не от простого к сложному, скорее как раз наоборот – латынь, санскрит, старославянский, древнегреческий и древнеанглийский обладают гораздо более богатой и сложной структурой, чем современные языки, которые произошли от них [6]. Не менее сложными оказываются и истолкования, например, библеизмов, о чём пишет, в частности, Ек.А. Попова в статье «Библейская языковая стихия в аспекте лексикологии и прагматики [7, с. 112-121].

Конечно, употреблять цитаты из церковнославянского языка нужно не часто, но сила их от этого только выигрывает. Это могут быть и отрывки из молитв, к которым полезно иногда прислушаться.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь... Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови в утробе моей. Благослови, Бог, милуяй и питаяй нас от юности нашей... да преизобилуем во всякое дело благое. В качестве девиза любого художника, любого творца он (о. Мень) называл строчку псалма: «Пою Бога моему дондеже есмь» [8: 461]. Монах Василий тихонько пел в храме: «...Ризу мне подаждь светлу... укрепи мя во благих, хранителю мой, и настави мя чудно к тишине...» [9, с. 132].

Если в отношении проповедей, мы использовали в качестве примеров отрывки из проповедей митрополита Макария (Булгакова), то в отношении молитв применили иную стратегию – брали отрывки из художественных текстов, выразительно подчеркивающие ценность высокого слова и противостоящие своей природой основному тексту, однако и питающие его. Так что же такое элитарная речь в молитвах и проповедях? Здесь можно выделить признаки этой речи.

Во-первых, это новое слово, что хорошо ощущается в приведенных проповедях митрополита Макария (Булгакова). Раскрытие ценности церковнославянского языка, не всегда ощущаемой слушателями (*как богат, прекрасен, возвышеннен язык их предков, он необходим для самосознания!*). Мысль верная, однако бытующая где-то далеко, отдельно от нас, а значит, ее надо вызволить из небытия и представить во всей красе. В другой проповеди говорится о теснейшей связи науки и христианства – мысль неожиданная для слушателей, но истинная и прекрасная (*Тот не живёт полною человеческою жизнью, кто довольствуется одною наукою и отвергается христианства*). Так что проповедь – это еще и просвещение присутствующих, ненавязчивое, но актуальное.

Во-вторых, элитарность речи в молитвах и проповедях предполагает полное отсутствие пустых слов, не говоря уже о словах мусорных. Человеку предлагается встать на ступеньку выше в своем понимании жизни и всего происходящего вокруг. *Помните, что вы будете трудиться также пред*

лицом потомства и истории. Ибо дело, к которому вы призваны, такой необычайной важности, что от него должна зависеть участь целых миллионов наших сограждан... Обычному человеку внушается величие его «маленького» дела, а это требует высоких слов и сердечного признания.

В-третьих, элитарность речи в молитвах и проповедях требует особого языка – не повседневного, не бытового, а более ценного, значимого. Это как таинственный иностранный язык, не всегда понятный нам, но зовущий к его изучению и пониманию. Россыпи такого языка встречаются в повседневной жизни. Так, немолодая колхозница поправила меня, когда я собиралась мыть руки после уборки (я со студентами ездила тогда собирать турнепс в колхозе): «Земля не грязь!» (1970 г.). Обычная речь, обычное слово, но слово высокое.

Признаки элитарного стиля в проповедях и молитвах – это трепетное внимание к словам и формам: *дондеже, подаждь, милуяй, преизобилуем*. Получается, что весь язык в нашем распоряжении, он не поддается времени, и это прекрасно. Здесь нет мысли, что это все старое, поэтому можно заменить другими словами. Нет, здесь идет разговор вне времени, и «старое» не означает ненужное, требующее замены, скорее наоборот: мысль, идущая из глубины веков, приобретает черты особого строя.

Другим признаком элитарного стиля является правдивость, честность отношения к слушающим и говорящим (*Все высоты твои и воды твои на меня падут*). Это язык правды, той самой, которая лежит в основе жизни и которая держит эту жизнь (*Остынет глава моя в расселинах гор, сойду в землю под вечные веревы и заклеты*).

Признаком элитарного стиля является также высокое доверие к участникам коммуникации, выраженное в сентенциях типа: *Помните твёрдо, что на вас взирает теперь вся современность с ожиданием от вас добрых плодов, взирает не только обширный край наш, но и всё отечество, и сам отец отечества, равно любящий всех своих подданных, великих и малых, знатных и незнатных и равно заботящийся об их счастье*.

Все это сказывается на лексике и стилистике употребления. Мы же хотим подчеркнуть, что проповеди и молитвы сейчас остаются весьма значимыми образцами элитарного стиля. И внимание к церковнославянскому языку не должно сосредоточиваться только на признаках старославянизмов, оно может включать в себя целиком эти образцы речи, вплетаемые в современный язык и становящиеся предметом пристального изучения современных филологов.

Литература

1. Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви: В 7 книгах. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Книга первая. – 408 с.
2. Титов Федор. Материалы к жизнеописанию митрополита Макария (Булгакова). Том 2. М. – село Белянка, 2015. 380 с.
3. Ласкин А. Высокий и Толстой: Повесть // Нева. 2012. № 8. С. 76-121.
4. Белов Василий. Привычное дело // Белов В. Рассказы и повести. М.: Современник, 1987. С. 294-438.

5. Распутин В.Г. Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть // Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть. Рассказы. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 7-188.

6. Петров Д., Борейко В. Магия слова: Диалоги о языке и языках. М.: ПРОЗАиК, 2011. 208 с.

7. Попова Ек.А. Библейская языковая стихий в аспекте лексикологии и прагматики // Структурно-семантическая специфика и функционально-коммуникативный статус языковых единиц. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 2004. С. 112-121.

8. Цветочки Александра Меня. Подлинные истории о жизни доброго пастыря. Сост. Юрий Пастернак. – М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. 608 с.

9. Шеваров Дмитрий. Жизнь, окнами в сад. Памяти хранителя // Новый мир, 2002, № 7. С. 124-132.

Протоиерей Сергей Митрофанович Дергалев
СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА МОЛИТВЫ ИИСУСОВОЙ
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Белгород, Россия

Аннотация. Статья посвящена феномену Иисусовой молитвы. В статье рассказывается о вариантах молитвы, о ее толковании, об опасностях при ее совершении, о практике Иисусовой молитвы, о скорости ее совершения, о трудностях в освоении этой молитвы, о современной практике.

Ключевые слова: молитва Иисусова, практика молитвы, толкование молитвы, скорость молитвы.

Archpriest Sergey M. Dergalev
MODERN PRACTICE OF THE JESUS PRAYER
Belgorod State University, Belgorod, Russia

Summary: The article is devoted to the phenomenon of the Jesus prayer. The article tells about the variants of prayer, about its interpretation, about the dangers when performing it, about the practice of the Jesus prayer, about the speed of its performance, about the difficulties in mastering this prayer, about modern practice.

Keywords: the Jesus prayer, the practice of prayer, the interpretation of prayer, the speed of prayer.

Современная практика молитвы Иисусовой для мирян

Текст молитвы Иисусовой выглядит следующим образом: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго (грешную)». Появление Иисусовой молитвы связывают с афоризмами Макария Египетского (4 век).

Священное Писание о молитве Иисусовой

Прообраз Иисусовой молитвы мы находим еще в Ветхом Завете. Особенно часто она встречается в книге Псалтырь: «Помилуй меня, Господи»